ЖЕНЩИНЫ И МОЛОДЕЖЬ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ТЫЛА (1941–1945 гг.): ФЕНОМЕН «КОРОТКИХ» СОЦИАЛЬНЫХ ЛИФТОВ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

Изучаются особенности трудовой карьеры женщин и молодежи в промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны. Выявлена гендерно-возрастная специфика феномена «коротких» социальных лифтов в производственных коллективах предприятий тыловых районов страны. Сделан вывод о том, что многие женщины и молодые люди до 25 лет, пришедшие на производство в военное время, быстро осваивали профессию, занимали престижные позиции стахановцев и ударников, руководящие должности бригадиров и мастеров. Но в связи с низким образовательным и квалификационным уровнем им было гораздо сложнее продвигаться в инженеры и техники, чем кадровым рабочим-мужчинам.

Ключевые слова: советский тыл; промышленность; женщины и молодежь; «короткие» социальные лифты.

Во второй четверти XX в. промышленность СССР дважды становилась сферой широкого использования женского и молодежного труда. Впервые этот труд был активно применен в ходе форсированной индустриализации конца 1920-х – начала 1930-х гг. В то время привлечение неработающих женщин и молодежи в возрасте до 25 лет на действовавшие и строившиеся предприятия позволило Советскому государству снизить дефицит заводских кадров, обусловленный ликвидацией безработицы. Полученный опыт был актуализирован и введен в практику в годы Великой Отечественной войны. Расширение женской и молодежной занятости в военно-промышленном производстве дало возможность заполнить резко выросшее число вакантных мест новыми работниками. Массовое замещение производственных вакансий в основном домохозяйками, учащимися старших классов и студентами привело к интенсивному включению незанятого населения в среду индустриальных рабочих. Эта социальная среда способствовала карьерному продвижению женщин и молодых людей, но лишь до тех служебных позиций, выше которых они объективно подняться не могли.

Тема применения женского и молодежного труда в промышленности СССР в военные годы являлась предметом анализа многих исследователей. Советские экономисты и историки реконструировали данные сюжеты в русле общей панорамы развития индустриальной экономики и рабочего класса в 1941–1945 гг. [1–6]. Женщины и молодежь рассматривались главным образом как основные источники комплектования заводских коллективов.

Современные отечественные авторы разрабатывали заявленную проблематику в рамках традиционных и новых исследовательских направлений. Работницы и молодые рабочие изучались в качестве кадрового потенциала военной индустрии [7, 8] и ее ведущих отраслей [9, 10], трудового ресурса крупных тыловых регионов [11], субъектов повседневной жизни городов и сел прифронтовых районов [12], производственной и культурно-бытовой социализации [13], социальной мобильности [14] в условиях войны. В последнем случае в центре внимания оказались карьерные пути женщин в производственной и административной сферах Бурятской АССР в первой половине 1940-х гг.

Следует отметить, что в российской и зарубежной научной литературе начала XXI в. получила развитие тематика гендерных отношений на советских предприятиях [15, 16]. В этих исследованиях показаны изменения в положении женщин на производстве в 1920–1930-е гг. Несмотря на иной хронологический период, методология гендерной истории довоенных пятилеток приобретает актуальность и в контексте изучения специфики социальных перемещений в СССР в годы Великой Отечественной войны.

К настоящему времени женский и молодежный сюжет истории советского тыла 1941–1945 гг. относительно изучен в отечественной историографии. Вместе с тем в этом ее тематическом сегменте весьма слабо используются междисциплинарные подходы, позволяющие по-новому осмыслить феномен массового участия женщин и молодежи в выпуске продукции для фронта. В данном исследовании применение таких подходов позволило выявить гендерно-возрастные особенности социальных лифтов в военной индустрии «грозовых сороковых».

Источниковая база, на которой основана данное исследование, состоит из двух блоков. К первому блоку относится статистика, содержащаяся в опубликованной научно-исследовательской литературе и сборниках документов, в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского архива социально-политической истории (РГАСПИ). Этот цифровой массив дает представление о динамике удельного веса женщин и молодежи, численности подготовленных рабочих, стахановцев, комсомольско-молодежных бригад и составе их руководителей, количестве выдвиженцев на низшие руководящие должности в промышленности советского тыла.

Второй блок источников включает делопроизводственные документы, извлеченные из фондов ГАРФ. Данные источники, в том числе персональные характеристики стахановцев, содержат краткую информацию о профессионально-служебном росте отдельных рабочих-передовиков, попавших в поле зрения руководства и партийных организаций заводов и фабрик.

Анализ выявленной и аккумулированной информационной базы осуществлялся на основе междисциплинарного подхода, сочетающего методы исторического исследования с теорией социальной мобильности.

сти. Согласно этой теории трудовые коллективы советских предприятий рассматриваются как совокупность слоев, каждый из которых имел свой профессионально-квалификационный, служебный и / или общественный статус. Подъем новых рабочих из нижних в более высокие слои заводского микросоциума характеризуется как восходящая мобильность, а механизмы этого подъема – как социальные лифты. Применение историко-генетического метода позволило показать их функционирование на протяжении Великой Отечественной войны, историко-системного метода – особенности данного процесса в советском тылу. Кроме того, учитывалось влияние гендерного и возрастного факторов на карьерные перемещения в оборонно-промышленном производстве.

Чтобы понять, как демографические характеристики (пол и возраст) производственного персонала влияли на его профессионально-служебную мобильность в рассматриваемый период, необходимо прежде всего проанализировать половую и возрастную структуру занятости в советской промышленности накануне войны. На 1 ноября 1939 г. на крупных предприятиях СССР среди инженерно-технических работников (ИТР) удельный вес мужчин и женщин составлял 80,3 и 19,7%, среди рабочих – 56,7 и 43,3, среди служащих – 46,5 и 53,5%. Доля молодого поколения в составе инженеров и техников достигла 17,9%, рабочих – 34,3, служащих – 36,8% [17].

Половозрастная дифференциация промышленных кадров имела отраслевые различия. Так, в составе рабочих удельный вес женщин колебался от 15,4% в нефтедобывающей до 85,5% в трикотажной отрасли, лиц молодого возраста – от 24,6% в мукомольно-крупяной до 51,7% в торфяной [Там же]. Мужской труд преобладал в тяжелой промышленности, женский – в легкой, молодежный – на новых или сезонных предприятиях.

В условиях военного времени пропорции между гендерными и возрастными группами трудящихся качественно изменились. Данные тенденции обуславливались уходом значительной массы мужчин на фронт и интенсивным поступлением на заводы и фабрики неработающего населения. С 1940 по 1943 г. доля женщин среди рабочих и служащих промышленности СССР выросла с 41,0 до 53,0% [5. С. 455], молодежи до 25 лет – с 30,0 до 60,0% [18. Л. 15]. К 1945 г. удельный вес этих половых и возрастных групп на предприятиях сократился соответственно до 50,9 и 40,0–45,0% [5. С. 453, 455]. В целом состав рабочих коренным образом обновился: мужчин призывного возраста (от 18 до 45–50 лет) у станков заменили женщины и подростки. В категории служащих возросла прослойка девушек до 25 лет.

В разных отраслях замена мужского труда женским и молодежным происходила неравномерно. В 1939 г. доля женщин среди рабочих-металлургов составляла 24,9%, в 1942 г. – 38,5%, авиастроителей – 29,5 и 38,3%, боеприпасников – 20,0 и 55,8%, пищевиков – 47,3 и 70,6%, текстильщиков – 68,9 и 80,4% [5. С. 203; 17]. В начальный период войны удельный вес рабочего юношества в черной металлургии вырос с 28,4 до 30,2%, в угледобыче – с 34,7 до 40,0%, в ме-

таллообработке – с 36,5 до 45,3% [5. С. 199–200; 17]. В ряде производств (авиационное, боеприпасное, минометного вооружения, среднее машиностроение и т.п.) юноши и девушки к 1943 г. превysили половину контингента работающих. Эти данные свидетельствовали о частичном изменении гендерно-возрастного баланса, сложившегося в промышленности в мирное время. Если одни отрасли оборонного значения остались преимущественно «мужскими», то другие превратились в «женско-юношеские». Разница в соотношении полов и возрастов среди работников оказывала большое влияние на динамику квалификационного и должностного роста новых кадров. Чем меньше было мужчин среднего возраста, тем интенсивнее развивалась профессиональная и служебная мобильность женщин и молодежи, изначально занимавших нижние ступени социально-производственной иерархии.

Социальный лифт, в который попадали новички, проходил через определенные «этажи». Сначала осуществлялось их перемещение из заводских учеников и учащихся учебных заведений гострудрезервов в рабочие низкой или средней квалификации. В данном случае «подъемником» служило производственное обучение, позволявшее бывшим домохозяйкам, учащимся старших классов и студентам освоить рабочую специальность. Для ускорения функционирования этого механизма во второй половине 1941 г. сроки профессиональной подготовки в ремесленных училищах (РУ) были сокращены с двух лет до одного года, в школах фабрично-заводского обучения (ФЗО) – с шести до трех месяцев, на предприятиях – с полутора – двух лет до трех месяцев. В учебных программах резко сокращалось преподавание теоретических дисциплин и технического минимума. Увеличилась роль практических занятий, где наставники передавали ученикам простые технические навыки. В этих условиях основная масса новых работников усваивала азы производственных профессий за счет индивидуально-бригадной и групповой учебы на предприятиях. Большинству из них присваивался второй или третий разряд, позволявший выполнять несложные станочные операции. В итоге ученики вливались в ряды рабочих-операционщиков малой квалификации, которая была ниже средней разрядности производимых работ.

Со второй половины 1942 г. на заводах, в РУ и школах ФЗО учебно-производственный процесс стал дополняться теоретическим обучением. Наряду с практическими навыками ученики получали базовые знания по профессии на занятиях по техминимуму. В связи с этим в подготовке заводских кадров возросло значение курсовой учебы, обеспечивавшей сочетание теории и практики. Многие новоиспеченные рабочие-операторы осваивали более высокие разряды (третий или четвертый). За 1941–1945 гг. через систему производственного обучения в рабочий класс из других социальных групп включились 16,7 млн чел. [5. С. 86; 19. Л. 1–2]. Более 80% этого огромного людского потока составляли женщины и молодежь, не имевшие до войны производственных специальностей.

В годы войны социально-профессиональная мобильность приобрела ярко выраженную гендерно-

возрастную окраску. С начала 1941 до конца 1942 г. в СССР доля женщин среди кочегаров увеличилась с 6 до 27%, токарей – с 16 до 33%, сварщиков – с 17 до 31%, формовщиков – с 29 до 39%, кузнецов и штамповщиков – с 11 до 50%, грузчиков – с 17 до 40% [1. С. 111]. В начальный период войны наиболее интенсивно сфера женского труда расширялась на предприятиях, эвакуированных на восток страны. В конце 1941 г. на заводах Омска «мужские» специальности освоили 3,7 тыс. девушек, Иркутской области – 4,8 тыс. [20. Л. 10; 21. Л. 30–31]. Так, в Барнауле молодая учительница Полина Беседина одной из первых освоила сложную рабочую профессию. Ее новосибирская коллега Анастасия Лихоносова сменила учительскую профессию на должность мастера военного завода [22. Л. 160]. Данные факты отражали жизненный путь многих женщин, менявших домашний фартук или пиджак на рабочую спецовку.

Повышение квалификации операционщиков обуславливало их переход в рабочие-универсалы. Профессиональный рост персонала обеспечивался за счет развития на предприятиях сети стахановских школ и курсов целевого назначения. Дополнительное курсовое обучение позволило малоопытным работникам научиться выполнять сложные работы средней или высокой разрядности, стахановские школы – перенимать лучший опыт передовиков-рационализаторов. В результате женщины и молодежь расширяли первоначальный культурно-технический кругозор, что способствовало росту их производительности труда. В течение военного времени основная масса новых кадров повысила квалификацию до третьего – пятого разряда. На 1 октября 1942 г. в советском авиапроме доля рабочих первого – второго разрядов составляла 7,8%, на 1 января 1945 г. – 4,3%, третьего – пятого разрядов – 68,3 и 77,5%, шестого – восьмого разрядов – 23,9 и 19,2% [10. Л. 292–293]. Перемещения из операторов в универсалы происходили в основном в среднеквалифицированном слое трудящихся.

В годы войны такая профессиональная мобильность носила весьма интенсивный характер. С 1941 по 1945 г. общая численность обученных рабочих выросла с 3,2 до 9,4 млн (в 2,9 раза), в том числе повысивших культурно-технический уровень – с 1,5 до 4,6 млн (в 3,1 раза). За первую половину 1940-х гг. в промышленности СССР более высокие разряды получили 13,7 млн чел. [5. С. 486]. В рассматриваемый период универсалами стали многие новые производственники.

Рост технической культуры тружеников предприятий тыла вел к повышению в их среде норм выработки. Заводчане, перевыполнявшие производственные задания, завоевывали почетные звания и вместе с ними общественное признание. Подъем женщин и молодежи из рабочей массы в передовики осуществлялся за счет развития стахановского и ударнического движения. В годы войны иерархия престижных статусов на производстве приобрела четкий структурированный вид: нижнюю позицию занимали стахановцы и ударники с выработкой нормы от 101 до 199%, среднюю – от 200 до 299% (двухсотники), высокую –

от 300% и более (многосотники и тысячники, которым присваивались звания «стахановец военного времени» и «гвардеец трудового фронта»). Одновременно работники могли заслужить и другие, иерархически не связанные между собой статусные ранги – «двадцатников» (выполнение месячного плана за 20 дней), «многостаночников» (обслуживание двух и более станков), «лучшего рабочего по профессии» и т.д. Присвоение любого из этих рангов означало попадание в слои советской «рабочей аристократии», получавшей, кроме почета, высокую зарплату и социально-бытовые льготы.

В военное время слои стахановцев существенно расширились за счет перемещения в них женщин и молодых людей, заменивших на заводах и фабриках выбывший кадровый персонал. В середине 1940 г. в промышленности СССР насчитывалось примерно 3 млн передовиков (51,1% всех рабочих), в том числе около 2 млн стахановцев (33,7%) и 1 млн ударников (17,4%) [5. С. 365; 17]. В 1941–1942 гг. в условиях активизации мобильности стахановско-ударническая прослойка в процентном отношении заметно возросла. При численном росте работников доля стахановцев и ударников в авиационной индустрии (с сентября по декабрь 1942 г.) увеличилась с 38,5 до 54,9%, промышленности вооружения (с апреля по декабрь 1942 г.) – с 42,0 до 57,7%, в среднем машиностроении (с июля по ноябрь 1942 г.) – с 41,4 до 48,4%, в лесопильной и деревообрабатывающей промышленности (с июля 1942 г. по январь 1943 г.) – с 48,6 до 55,3%, в швейной (с января по декабрь 1942 г.) – с 56,5 до 78,9% [23. Л. 20, 51–52, 92].

Однако быстрый статусный рост новых кадров поначалу не мог полностью компенсировать большие потери, понесенные стахановцами из-за воинских мобилизаций. К началу 1943 г. число передовиков на предприятиях СССР сократилось до 2,8 млн чел. (50,5% всех рабочих), в частности стахановцев – до 1,7 млн (30,4%). Одновременно количество ударников выросло до 1,1 млн чел. (20,1%) [5. С. 365]. В начальный период военной поры основным «подъемником» для соревнующихся работниц и молодых рабочих являлось ударничество. В середине и последние годы войны основную роль в развитии их перемещений вновь стало играть стахановское движение. К 1 января 1945 г. контингент передовиков увеличился до 5,3 млн чел. (57,9%), включая стахановцев – до 3,2 млн (34,4%), ударников – до 2,1 млн чел. (23,5%) [5. С. 365; 17]. К этому времени заводской персонал, завоевавший почетные звания, по сравнению с 1940 г. вырос как в абсолютном, так и удельном выражении.

Направление трудовой карьеры женщин и молодежи можно проследить на основе персональных данных стахановцев по нескольким отраслям. В начале войны на завод № 68 НКБ прибыла семнадцатилетняя Зоя Мухина, окончившая шесть классов. Освоив специальность токаря, девушка стала одной из первых двухстаночниц-рационализаторов предприятия [24. Л. 103]. В сентябре 1941 г. на Московский автомобильный завод (им. Сталина) поступила учащаяся школы Прокопенко. За короткое время вчерашняя

школьница прошла путь от малоквалифицированного сверловщика до двухстаночника, выполнявшего задания на 120% [24. Л. 22–23]. В первые военные месяцы на нефтеперерабатывающий завод № 95 в качестве чернорабочей пришла колхозница Рыбакова. В конце 1941 г. она была уже помощником станочника-оператора, а в 1942 г. сама производила операции с выработкой нормы на 105–113% [23. Л. 95]. В апреле 1942 г. на Московский металлургический завод «Серп и молот» помощником вальцовщика трудоустроилась домашняя хозяйка Балакина. За два месяца бывшая домохозяйка обучилась «мужской» профессии и во второй половине 1942 г. стала квалифицированной работницей, выполнявшей задание на 110,6–131,1% [Там же. Л. 40]. В это же время на Горьковский автомобильный завод (им. Молотова) прибыла домработница Буровцева, получившая специальность шлифовальщицы. К началу 1943 г. новоиспеченная шлифовальщица, научившаяся работать также на токарном и фрезерном станках, завоевала почетные звания «многостаночника» и «стахановца военного времени» [Там же. Л. 22–23].

В этих отдельных характеристиках зеркально отразились судьбы сотен тысяч женщин и девушек, впервые пришедших на производство. В отличие от мужчин, их социально-трудовые перемещения протекали исключительно в условиях военного времени. Данные обстоятельства обуславливали более высокую скорость профессиональной и статусной мобильности новых рабочих, широкие потоки которых в буквальном смысле захлестнули промышленность советского тыла. Стремительный карьерный рост многих женщин среднего возраста и молодых людей в оборонной индустрии носил порой беспрецедентный характер. Вместе с тем форсированный социальный подъем данных гендерно-возрастных групп приводил к тому, что их представители основательно усваивали лишь базовые элементы технической культуры. Они олицетворяли собой массу стахановцев и ударников со средней квалификацией, заметно отстававшую по уровню профессионализма от ядра кадровых передовиков. Но именно эта массовая социально-производственная среда служила источником выдвижения бригадиров из числа инициативных молодых рабочих с лидерскими качествами и амбициями.

Подобные процессы способствовали размыванию кадровой «рабочей аристократии» и ее поглощению преимущественно молодежью с небольшим профессиональным стажем. Данное явление можно показать на примере промышленности Новосибирской области, являвшейся важным тыловым районом. К концу 1942 г. на его предприятиях звания «стахановца» и «ударника» получили 21,6 тыс. юношей и девушек. В удельном отношении передовики составляли около 20% молодых рабочих, в том числе двухсотники и трехсотники – 6,5%, тысячники – 0,2%, двадцатники – 3% [25. Л. 87]. К середине 1944 г. в Новосибирской области численность молодых стахановцев и ударников достигла 34,1 тыс. чел., их доля в структуре трудящихся до 25 лет – более 60%. Удельный вес двухсотников и многосотников достигал около 25%, два-

дцатников – более 10% [13. С. 233]. К концу войны большинство рабочей молодежи поднялось лишь на нижнюю ступеньку иерархии престижных рангов. В мае 1945 г. на авиазаводе № 296 (г. Бердск Новосибирской области) стахановцев военного времени было 5%, гвардейцев тыла – 0,52% [26. Л. 135]. Только очень малая часть молодых заводчан смогла продвигаться на самые высокие статусные позиции.

Как уже отмечалось выше, среди наиболее успешных молодых рабочих появлялись лидеры, объединявшие вокруг себя небольшие группы коллег-сверстников для выполнения плана по выпуску промышленной продукции. Данные инициативы активно поддерживались комсомолом, координирующим создание и развитие малых производственных коллективов. Благодаря пропагандистской поддержке со стороны ВЛКСМ и административной – со стороны отраслевых наркоматов это движение в годы войны получило широкое распространение. В конце 1942 г. в целом по СССР на заводах и фабриках насчитывалось 14,5 тыс. комсомольско-молодежных бригад, в октябре 1943 г. – 35,6 тыс., в июне 1944 г. – 97,7 тыс., в июле 1945 г. – 155 тыс. [5. С. 308–309, 369]. На предприятиях многократно выросло число бригадирских вакансий, которые занимали стахановцы и ударники. Если в 1942–1943 гг. бригадиры составляли не более 1% всех молодых производственников, то в 1945 г. – 4–5%. Данный фактор стимулировал развитие служебной мобильности, сопровождавшейся выдвижением передовиков на низшие руководящие должности.

Комплексный анализ состава бригадирского корпуса дает представление о наиболее мобильной части тружеников предприятий военной поры. Ее социальный срез представлен на основе сведений о составе 1 579 участников совещаний руководителей комсомольско-молодежных бригад по 14 отраслевым наркоматам [27. Л. 69]. Эти данные отражают гендерно-возрастной, социокультурный, профессиональный и общественно-политический облик бригадиров, вышедших из среды рабочих советского тыла.

Социальный портрет младших «командиров» военно-промышленного производства включал такие элементы, как пол, возраст, образование, квалификация, стаж работы, партийность. В их гендерной структуре мужчин было 56%, женщин – 44%, в возрастной: лиц до 20 лет – 48%, от 20 до 30 лет – 43%, от 30 лет и старше – 9%. Абсолютное большинство руководителей молодежных бригад было не старше 25 лет [Там же]. Эти производственные коллективы способствовали продвижению по службе, имевшему ярко выраженную возрастную специфику. Расширение прослойки молодежи на предприятиях привело к активизации ее восхождения на руководящие позиции. При этом юноши имели больше шансов занять бригадирскую должность, чем девушки. Данное явление отражало гендерные черты должностного роста новых кадров, нетипичные в целом для профессиональных перемещений военного времени.

В отличие от пола и возраста, образование не играло значительной роли в служебной карьере трудящихся. Доля бригадиров, окончивших четыре класса,

достигала 13%, пять – семь классов – 57%, восемь – десять классов – 20%, техникум или вуз – 10% [27. Л.69]. Более половины руководителей бригад получили начальное образование и учились в неполной средней школе. Окончить семилетку и продолжить обучение смогли лишь около трети молодых производственных лидеров. Однако низкий образовательный уровень не препятствовал их подъему из рабочей массы в руководящий состав нижнего звена.

Более существенное значение для продвижения молодых людей в заводской иерархии имели профессиональные характеристики. В бригадирской среде рабочих первого – третьего разрядов было 8%, четвертого – пятого разрядов – 54%, шестого – восьмого разрядов – 20%, мастеров – 11%. Стаж работы в промышленности до одного года имели 8% глав объединений юных тружеников, от одного года до трех лет – 50%, свыше трех лет – 42% [27. Л. 70]. Абсолютное большинство из них обладало квалификацией, соответствовавшей среднему коэффициенту разрядности выполняемых на предприятиях работ. К высококвалифицированному персоналу принадлежала одна пятая этого контингента, к промежуточному между рабочими и ИТР слою мастеров – чуть более одной десятой. Производственная биография молодых руководителей началась, как правило, в годы Великой Отечественной войны. В рассматриваемый период движение комсомольско-молодежных бригад обеспечивало быстрое занятие стахановцами и ударниками низших руководящих постов, для чего было достаточно средней квалификации.

Служебные перемещения в составе рабочего юношества сопровождались его активной политической социализацией. Статусом беспартийных обладали 12% бригадиров, членов ВЛКСМ – 61%, кандидатов и членов ВКП(б) – 27% [Там же]. Основная масса юношей и девушек, возглавлявших профессиональные коллективы сверстников, состояла в общественных организациях. Выдвижение на бригадирскую должность при достижении в ближайшей перспективе производственного успеха в большинстве случаев гарантировало принятие в комсомол или партию.

Обобщение проанализированного материала позволяет реконструировать социальный образ наиболее массового представителя нового бригадирского корпуса, сформировавшегося среди молодых рабочих к концу войны. В это время комсомольско-молодежные бригады возглавляли, как правило, юноши в возрасте до 25 лет с образованием от пяти до семи классов, освоившие квалификацию четвертого – пятого разрядов, проработавшие на предприятиях не более трех лет и являвшиеся членами ВЛКСМ. Данная характеристика наглядно показывает, что для быстрого продвижения юных заводчан по служебной лестнице не существовало серьезных ограничений в виде необходимости получения среднего или высшего образования, высокой квалификации. Отсутствие барьеров обуславливало интенсивное движение социального лифта, поднимавшего молодежь от заводских учеников до стахановцев, руководивших бригадными коллективами.

Порой динамика данного процесса была очень стремительной, о чем свидетельствует конкретный пример. В июне 1943 г. из села Колывань Новосибирской области на завод № 386 Наркомата боеприпасов (г. Новосибирск) вместе с группой сверстников-земляков была мобилизована ученица средней школы Мария Кобзева. После того как девушка освоила рабочую профессию, комитет комсомола выдвинул ее руководителем производственного коллектива, состоявшего из подростков-односельчан. В конце 1943 г. бригада заняла первое место в соревновании по предприятию и третье место по Новосибирской области. За достигнутые успехи ей было присвоено почетное звание «Первая фронтовая молодежная бригада завода» и в качестве высокой награды вручено переходящее Красное знамя [28. С. 93–94]. Всего лишь за полгода М. Кобзева из неизвестной сельской школьницы превратилась в прославленного бригадира, ставшего знаменитым в рамках крупного тылового региона.

Благодаря накопленному профессиональному опыту, успешные бригадиры или стахановцы могли занять позиции руководящих инженерно-технических работников. В условиях войны на начальствующие вакансии стали активно выдвигаться женщины-работчие. В 1942 г. на станкостроительном заводе «Красный пролетарий» (г. Москва) шлифовщица Комова стала мастером, Широга – сначала мастером, а затем – начальником цеха [23. Л. 23]. Таким же образом по служебной линии поднималась и заводская молодежь. Например, на снарядном комбинате «Сибметаллстрой» (г. Новосибирск) слесарь-установщик шестого разряда Петр Голендаев возглавил комсомольско-молодежную бригаду, завоевавшую первое место в соревновании по Новосибирской области. Такой результат привел к назначению молодого рабочего мастером участка, отстававшего от установленного графика. Ему удалось сделать участок передовым на заводе. В итоге Голендаев был награжден орденом Трудового Красного Знамени [29. Л. 13], что наглядно подчеркивало статусный и должностной рост молодого мастера.

Данный путь прошли многие рабочие-новички, впервые оказавшиеся на производстве. В это время только на 13 предприятиях Новосибирска на вакансии руководителей было выдвинуто 2 417 юношей и девушек, в том числе мастеров – 1 338, начальников цехов – 72 [30. Л. 37]. В конце 1942 г. среди заводской молодежи комбината № 179 работали 27 мастеров и 145 бригадиров. В 1943 г. на заводе № 590 мастерами были назначены 10 молодых заводчан, бригадирами – 20 [31. С. 421, 612]. В 1944 г. на заводе № 617 мастерами и технологами-практиками стали 107 рабочих [32. Л. 11]. Вступление в эти руководящие должности являлось верхним рубежом вертикальных перемещений новых кадров, сформированных из домохозяек, учащихся, служащих и колхозников. Для занятия более высокой позиции (начальник цеха) требовалось среднее специальное или высшее образование, которое у бригадиров и мастеров в основном отсутствовало.

Данный фактор служил главным барьером, разделявшим рабочий класс и инженерно-техническую

интеллигенцию. Отсутствие диплома об окончании техникума или вуза лишало рядовых тружеников возможности подняться до уровня специалистов средней и высшей квалификации. В военное время условия для получения соответствующего образования существенно ухудшились. Более распространенным явлением было включение трудящихся в среду практиков, освоивших инженерную специальность непосредственно на производстве. Но и здесь работникам требовался солидный профессиональный опыт, имевшийся преимущественно у кадрового персонала. Выше уже отмечалось, что женщины, подростки и молодые люди, занятые на предприятиях, как правило, не обладали высоким культурно-техническим уровнем. В связи с этим прослойка ИТР-практиков формировалась из стахановской элиты, представленной в основной массе мужчинами среднего поколения.

Отмеченные ограничения резко сужали русло социальных перемещений из рабочих в ИТР. В результате пограничная прослойка между этими стратами служила «потолком» мобильности трудящихся, поступивших на предприятия из числа незанятого населения. Данное явление обуславливало преобладание мужчин зрелого возраста в инженерно-техническом корпусе при интенсивном приеме женщин и молодежи на рабочие вакансии. Неравномерную гендерную структуру занятости в различных категориях производственного персонала можно показать на примере советской авиапромышленности. На 1 января 1945 г. доля женщин среди инженеров и техников отрасли составляла 21,2%, учеников – 37,4, рабочих – 39,5, служащих – 83,2, младшего обслуживающего персонала (МОП) – 88,0% [10. Л. 298]. В целом ИТР оставались самой мужской группой работников военной индустрии, служащие и МОП – женскими.

Более детальную картину распределения индустриальных кадров по полу и возрасту дают сведения по авиационному заводу им. В.П. Чкалова (г. Новосибирск). К началу 1945 г. в структуре рабочих предприятия удельный вес женщин и молодежи до 25 лет достиг 58,2%, мужчин от 26 лет и старше – 41,8, инженерно-технических работников – 35,1 и 64,9% [9. Л. 245]. Эти данные отражают типичную гендерно-возрастную ситуацию в промышленности советского тыла: ИТР являлись ее ярко выраженным «мужским полюсом», рядовые труженики – «женско-юношеским». В годы войны мужчины среднего возраста продолжали олицетворять верхний слой заводского социума. Этот слой обладал наивысшими профессиональными компетенциями, уровнем оплаты труда и снабжения, административной властью, позволявшей управлять остальным персоналом и распределять дефицитные жизненные блага. В свою очередь, нижние и средние слои производственных коллективов в основном состояли из женщин, подростков и молодых людей, занятых тяжелым трудом, имевших более низкую квалификацию, зарплату и натуральное обеспечение. Несмотря на интенсивный

профессионально-служебный рост, они не достигали высокого положения из-за недостатка образования и квалификации.

В годы Великой Отечественной войны в связи с изменением гендерно-возрастной ситуации в советской промышленности существенно расширились возможности развития женской и молодежной трудовой карьеры. Эта карьера сопровождалась как переходом из иждивенцев в работники, так продвижением новых рабочих по социально-производственной лестнице. В данных условиях женщины и молодежь включались в процесс мобильности, включавший профессиональные, статусные и служебные перемещения. Эти перемещения, имевшие вертикальную направленность, «запускались» с помощью различных механизмов: базового технического обучения (включая освоение женщинами «мужских» профессий), повышения квалификации, стахановского и ударнического движений, организации комсомольско-молодежных бригад. В совокупности они образовывали многоступенчатые социальные лифты, стремительно поднимавшие домашних хозяек, колхозниц, служащих, школьников в ряды тружеников оборонно-промышленной индустрии.

На протяжении военных лет эти лифты последовательно перемещали основную массу новичков из учеников в низкоквалифицированные рабочие, из низко- в среднеквалифицированный персонал. Освоение квалификации, соответствовавшей сложности выполняемых производственных операций, открывало им путь в передовики. Для большей части женских и молодежных кадров карьерный рост завершался при достижении статуса стахановцев, не имевших дополнительных престижных рангов. Лишь немногие из них завоевывали более высокие позиции, как статусные («стахановцы военного времени», «гвардейцы трудового фронта»), так и служебные (бригадиры, мастера). Однако в масштабах советского тыла даже малая доля выдвиженцев создавала эффект крупномасштабной мобильности, в которую вовлекались десятки тысяч работниц среднего возраста и молодых заводчан.

В то же время массовое перемещение женщин и молодежи из рабочих в инженерно-техническую среду носило ограниченный характер. Для вхождения в нее требовался высокий образовательный или культурно-технический уровни, которыми обладали дипломированные специалисты и кадровые рабочие. Подобная ситуация порождала феномен «короткого» социального лифта, обладавшего в условиях войны характерной половозрастной спецификой. Женщины и молодые люди в лучшем случае могли занять низшую руководящую должность, не требовавшую квалификации инженера или техника. Однако существовавшие служебные барьеры не являлись проявлением гендерной или возрастной дискриминации и сегрегации, поскольку были связаны в основном с социокультурными особенностями обновленного кадрового состава советских предприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. : Госполитиздат, 1948. 192 с.

2. Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М. : Экономика, 1970. 389 с.
3. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М. : Мысль, 1985. 480 с.
4. Морехина Г.Г. Рабочий класс – фронту. Подвиг рабочего класса в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : Соцэкгиз, 1962. 480 с.
5. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М. : Наука, 1971. 525 с.
6. Сенявский С.А., Тельпуховский В.Б. Рабочий класс СССР (1938–1965 гг.). М. : Мысль, 1971.
7. Парамонов В.Н. Россия в 1941–1945 гг.: проблемы индустриального развития. Самара : Самар. гос. ун-т, 1999. 459 с.
8. Мякина Н.П. Роль молодежи в решении военно-экономических и социальных задач в годы Великой Отечественной войны (по материалам РСФСР) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
9. Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири: Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск : Изд-во ИИ СО РАН, 2005. 449 с.
10. Мухин М. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М. : Вече, 2011. 347 с.
11. Исупов В.А. Главный ресурс Победы: Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). Новосибирск : Сова, 2008. 377 с.
12. Назаров А.И. Повседневная жизнь молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Тамбовской области) : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010.
13. Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск : Параллель, 2012. 430 с.
14. Гордина И.В. Социальная мобильность женщин Бурятии в условиях Великой Отечественной войны // Сборник материалов Республиканской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2010. С. 9–20.
15. Голдман В. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937). М. : РОССПЭН, 2010. 358 с.
16. Ульянова С.Б. Гендерные отношения в советской промышленности (1920–1930-е годы) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2013. № 4. С. 119–126.
17. История индустриализации СССР. 1938–1941 гг. Документы и материалы // Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/9335>, свободный.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 8. Д. 85.
19. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9507. Оп. 1. Д. 218.
20. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 52.
21. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 222.
22. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-190. Оп. 2. Д. 916.
23. ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 26. Д. 83а.
24. ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 268.
25. ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 962.
26. ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 812.
27. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 95. Л. 69.
28. Букин С.С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск : Изд-во ИИ СО РАН, 2001.
29. ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 740.
30. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 282.
31. Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны : сб. док. Новосибирск : ОГУ «Государственный архив Новосибирской области», 2005. 873 с.
32. ГАНО. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 18.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 июня 2016 г.

WOMEN AND YOUNG PEOPLE IN THE INDUSTRY OF THE SOVIET REAR (1941–1945): THE PHENOMENON OF “SHORT” SOCIAL ELEVATORS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 412, 106–113.

DOI: 10.17223/15617793/412/18

Roman E. Romanov, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: rromanov1981@mail.ru

Keywords: Soviet rear; industry; women and young people; “Short” social elevators.

This article focuses on the study of the features of professional career of women and young people in the industry of the USSR in the Great Patriotic War. Russian and foreign researchers considered these age and sex groups as sources of acquisition of the factory teams, personnel potential of the defense industry, labor potential of large rear regions, subjects of daily life of towns and villages in the frontline areas, career movements in the production and administrative areas in the conditions of war. The historiography of the problem showed that the age and gender aspects of the labor history of the Soviet rear were mainly developed by the classical methods of historical science. The use of a multidisciplinary approach enabled the author to move away from the traditional understanding of the role of women’s and youth’s work in the war economy. Based on the theory of social mobility the author found a new way to analyze an array of statistical and record keeping materials on vocational education and training of industrial personnel, their massive participation in the Stakhanov and udarnik [strike worker] movements, Komsomol youth brigades in 1941–1945. The result of the research was the identification of the phenomenon of “short” social elevators in labor collectives of enterprises in Soviet rear areas, which had gender and age characteristics. In the war circumstances women and youth began to prevail in the gender and age composition in labor teams, in contrast to the peace time. The role of the elevator, which “raised” them to machine tool operators, from operators to universal workers (transfer from low to middle and high categories) was given to basic professional training. Due to social competition, new workers obtained positions of Stakhanov and udarnik workers, including the most prestigious ones – wartime Stakhanov worker, rear guardsman, best worker in a professional field. Out of the latter, a significant number of young men and women became leaders of young labor teams. It was possible to become a junior leader in defense industry due to a lack of significant barriers to obtain junior leading positions. But only a small part of ordinary workers and foremen became masters – an “intermediate layer” between workers and engineers and technicians. And it was even more difficult for women and youth, working in enterprises, to obtain positions of engineers and technicians. However, this barrier was not a manifestation of sex and age discrimination against workers, but a result of low educational and qualification level of the new working masses.

REFERENCES

1. Voznesenskiy, N.A. (1948) *Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny* [The war economy of the USSR during World War II]. Moscow: Gospolitizdat.
2. Kravchenko, G.S. (1970) *Ekonomika SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The economy of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow: Ekonomika.
3. Chadaev, Ya.E. (1985) *Ekonomika SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The economy of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow: Mysl'.
4. Morekhina, G.G. (1962) *Rabochiy klass – frontu. Podvig rabocheho klass v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [The working class for the front. The feat of the working class during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Sotsekgiz.
5. Mitrofanova, A.V. (1971) *Rabochiy klass SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The working class of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka.
6. Senyavskiy, S.A. & Tel'pukhovskiy, V.B. (1971) *Rabochiy klass SSSR (1938–1965 gg.)* [The working class of the USSR (1938–1965)]. Moscow: Mysl'.
7. Paramonov, V.N. (1999) *Rossiya v 1941–1945 gg.: problemy industrial'nogo razvitiya* [Russia in 1941–1945: The problems of industrial development]. Samara: Samara State University.
8. Myakinina, N.P. (2009) *Rol' molodezhi v reshenii voenno-ekonomicheskikh i sotsial'nykh zadach v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (po materialam RSFSR)* [The role of young people in the military, economic and social problems in the Great Patriotic War (on materials of the RSFSR)]. History Cand. Diss. Moscow.
9. Savitskiy, I.M. (2005) *Vazhneyshiy arsenal Sibiri: Razvitie oboronnoy promyshlennosti Novosibirskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The most important arsenal in Siberia: development of the defense industry of Novosibirsk Oblast during the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Institute of History, SB RAS.
10. Mukhin, M. (2011) *Sovetskaya aviapromyshlennost' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Soviet aircraft industry during the Great Patriotic War]. Moscow: Veche.
11. Isupov, V.A. (2008) *Glavnyy resurs Pobedy: Lyudskoy potentsial Zapadnoy Sibiri v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939–1945)* [The main resource of the Victory: The human potential of Western Siberia during the Second World War (1939–1945)]. Novosibirsk: Sova.
12. Nazarov, A.I. (2010) *Povsednevnyaya zhizn' molodezhi v sovetskom tylu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Tambovskoy oblasti)* [The daily life of young people in the Soviet rear during the Great Patriotic War (on materials of Tambov Oblast)]. History Cand. Diss. Tambov.
13. Bukin, S.S. & Romanov, R.E. (2012) *Rabochaya molodezh' predpriyatiy oboronnoy kompleksa Sibiri (1941–1945)* [Young workers of the defense complex enterprises of Siberia (1941–1945)]. Novosibirsk: Parallel'.
14. Gordina, I.V. (2010) [Social mobility of Buryatia women in the Great Patriotic War]. *Sbornik materialov Respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 65-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Collection of materials of the Republican conference dedicated to the 65th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War]. Ulan-Ude: Buryat State University. pp. 9–20. (In Russian).
15. Goldman, V. (2010) *Zhenshchiny u prokhodnoy. Gendernye otnosheniya v sovetskoj industrii (1917–1937)* [Women at the entrance. Gender relations in Soviet industry (1917–1937)]. Moscow: ROSSPEN.
16. Ul'yanova, S.B. (2013) *Gendernye otnosheniya v sovetskoj promyshlennosti (1920–1930-e gody)* [Gender relations in Soviet industry (1920s–1930s)]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta*. 4. pp. 119–126.
17. Anon. (1972) *Istoriya industrializatsii SSSR. 1938–1941 gg. Dokumenty i materialy* [The history of the industrialization of the Soviet Union. 1938–1941. Documents and materials]. [Online] Available from: <http://istmat.info/node/9335>.
18. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 8. File 85. (In Russian).
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9507. List 1. File 218. (In Russian).
20. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 8. File 52. (In Russian).
21. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 8. File 222. (In Russian).
22. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-190. List 2. File 916. (In Russian).
23. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5451. List 26. File 83a. (In Russian).
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7678. List 7. File 268. (In Russian).
25. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-190. List 2. File 962. (In Russian).
26. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-190. List 2. File 812. (In Russian).
27. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 8. File 95. Page 69. (In Russian).
28. Bukin, S.S. (2001) *Zavod "Iskra" v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Iskra factory during the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Institute of History, SB RAS.
29. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-190. List 2. File 740. (In Russian).
30. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund M-1. List 6. File 282. (In Russian).
31. Savitskiy, I.M. (ed.) (2005) *Oboronnaya promyshlennost' Novosibirskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sb. dok.* [The defense industry of Novosibirsk Oblast during the Great Patriotic War: documents]. Novosibirsk: State Archive of Novosibirsk Oblast.
32. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1750. List 1. File 18. (In Russian).

Received: 08 June 2016